

УДК 809. 156

МОДУЛЬНЫЙ ПРИНЦИП ОРГАНИЗАЦИИ РЕЧЕВЫХ АКТОВ В ТРАДИЦИОННЫХ ТЕКСТАХ ОСЕТИН

Моргоева Л.Б.

*ФГБУН «Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований
им. В.И. Абаева ВНЦ РАН и Правительства РСО-А», Владикавказ, e-mail: soigsi@mail.ru*

Традиционные тексты, связанные с ритуальной обрядностью, всегда отражают национальную специфику конкретного народа. Ритуальные тексты, наравне с остальными жанрами малых форм, принято относить к фольклору, хотя и в этой области знания они не находят своих постоянных координат в системе фольклорных жанров. Вместе с тем тексты любой обрядности в культуре осетин оказываются достаточно подвижными и могут выступать как в роли самостоятельных жанров, так и компонентами текстов различной стилистической направленности. Особенности построения ритуальных текстов позволяют выступать отдельным их частям в качестве самостоятельных речевых формул с собственными иллокутивными целями, они могут произвольно меняться местами или замещать части с равнозначными по степени значимости ценностями содержаниями, а также допускают определенную степень лексической синонимии с соблюдением характерных признаков внутренней структуры жанра. Такая широта возможностей при строгой жанровой структуре позволяет говорить о модульном принципе организации ритуального текста, части которого являются структурными модулями, входящими в состав одного текстового ансамбля, одновременно способными выступать в качестве самостоятельной жанровой единицы, выходя за рамки ритуального текста.

Ключевые слова: паремиялогия, речевые акты, прагматика, семантика

MODULAR APPROACH TO THE ORGANIZATION OF SPEECH ACTS IN TRADITIONAL TEXTS OF THE OSSETIAN

Morgoeva L.B.

*Federal State Budget Institution V.I. Abaev North Ossetian Institute of Humanitarian
and Social Studies of Vladikavkaz Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences
and the Government of the Republic of North Ossetia-Alania, Vladikavkaz, e-mail: soigsi@mail.ru*

Traditional texts associated with ritual rites always reflect national features of a specific people. Ritual texts, alongside with other genres of small forms, are usually referred to folklore, although in this field of knowledge they do not find their permanent coordinates in the system of folklore genres. At the same time, the texts of any ritualism in the culture of the Ossetians are quite mobile and can act both as independent genres and components of texts of various styles. Features of ritual texts architecture allow their individual parts act as separate speech formulas with their own illocutionary goals, arbitrarily swap or replace parts with equivalently important value contents; allow some degree of lexical synonymy preserving characteristic features of the internal structure of the genre. This range of opportunities in strict genre structure suggests a modular principle of organization of a ritual text, the parts of which are the structural units included into a single text ensemble able to act as an independent unit of the genre going beyond a ritual text.

Keywords: paremiology, speech acts, pragmatics, semantics

О высокой степени важности и значимости образа в языковых и речевых единицах общеизвестно. Исследователи, так или иначе соприкасающиеся с вопросами когнитивности и прагматики, наряду с другими вопросами совершенно справедливо и обоснованно обращают свое внимание и на категорию образности, которая играет важную роль в процессе мышления. Категория образности является обязательной составляющей понятия экспрессивности. Кроме того, при ее непосредственном участии формируются и закрепляются в языке устойчивые выражения, высказывания и речевые формулы. Жанр ритуальных текстов, широко распространенных в осетинской традиционной культуре, также включает в себя различные виды устойчивых выражений и речевых формул и потому представляет немалый интерес как для фольклористов, так и для лингвистов. Именно по

этой причине отдельные ритуальные тексты активно привлекаются в качестве ярких примеров в ходе исследований.

Целью нашего исследования является выявление принципиальных особенностей построения традиционных текстов на **материале** неканонических ритуальных текстов осетин. **Методом** структурного анализа является модульный принцип их построения, допускающий свободную трансформацию отдельных частей текста в другие формы речевых жанров.

В определенном смысле ритуальные тексты представляют собой синтез различных форм устойчивых выражений, логически выстроенных по определенной схематической композиции, культурным фоном для которых является духовно-ценностная система этноса [4].

С позиций лингвистической прагматики особо привлекают внимание ритуальные

тексты осетинского языка, составленные, в отличие от многих других культур, полностью на живом распознаваемом языке. Отсутствие устаревших форм объясняется непрекращающимся и продолжающимся активным употреблением в силу понимания ритуального значения, а значит, и практического применения. Несмотря на жесткую композиционную организацию, они при необходимости поддаются семантико-стилистической модификации.

Вместе с тем консервативность традиций, конечно же, повлияла на формирование и сохранение наиболее «удачных» и ярких ритуальных произведений, что позволяет нам сейчас относить их к золотой коллекции осетинского фольклорного фонда. В отдельный жанр их выделять нам дает возможность именно факт образования (возникновение и формирование) отдельных вариантов композиционного устройства текста, с характерными для фольклорного жанра признаками.

С другой стороны, молитвенные тексты осетинского языка при полном функциональном соответствии своему жанру имеют отличительные особенности как в структурном так и в семантическом планах.

Итак, по сути своей любая молитва является не чем иным, как обращением человека к Богу, богам, духам, святым, ангелам, персонафицированным природным силам, вообще Высшему Существо и его посредникам. Являясь проявлением религиозного культа и индивидуальной религиозности, молитва как таковая характерна для всех религий.

Как правило, молитва имеет словесное выражение, и основной целью ее является достижение открытости Богу и готовность воспринять его ответное воздействие.

С точки зрения прагматики, молитва как способ контакта с Богом, с Всевышним Существом, от которого, в конечном счете, зависит духовная судьба человека, предполагает различные способы установления этого контакта. В основном это произнесение специальных молитвенных текстов, но особая значимость придается и формам произнесения этих текстов – речитативы, песнопения, плач, иногда танец и даже молитвенное молчание [2].

Абстрагируясь от теистических воззрений и положений, следует отметить, что тексты, обращенные к высшим силам, с точки зрения коммуникативной направленности, монологические, и «ответная реакция» лишь подразумевается, непременно желаемая, хоть и безапелляционная априори. Именно потому в означенных текстах предусматривается четкое, ясное

и понятное изложение мысли и формулировка желаемого.

Молитвенные тексты представляют собой косвенные речевые акты. В них создается потенциальная ситуация, в которой подразумеваемому адресату речи отводится воздействующая функция, причем с известной долей свободной интерпретации в рамках означенной направленности.

Уникальность данного жанра заключается в том, что в создаваемой речевой ситуации воздействующая функция отводится адресату речи, т.е. Всевышнему, божествам и иным представителям Высших Сил, тогда как сам говорящий вместе с другими пассивными участниками речевой ситуации выступают в качестве объектов воздействия, причем воздействия со стороны адресата речи.

С точки зрения когнитивной лингвистики, ритуальные тексты представляют собой достаточно сложный и многоступенчатый механизм. Практически все участники речевой ситуации в процессе воспроизведения (оглашения) ритуального текста выполняют, как правило, не одну функциональную задачу.

Итак, основная нагрузка лежит на говорящем, человеке, произносящем молитвенный или иной ритуальный текст. Ответственность крайне серьезная, поскольку от его умения четко, точно и образно построить текст зависит ожидаемое воздействие Высших Сил, результат этого воздействия. Именно поэтому произнесение молитвы доверяется человеку, обладающему исключительным мастерством словесной образности, знаниями традиций, обрядов и ритуалов.

В осетинской традиционной культуре основной и, пожалуй, центральной является коллективная молитва, будь то по поводу общенародного праздника или по поводу семейного торжества. В обоих случаях это *Куывд* – праздник-молитва. Специфика осетинских ритуальных текстов такова, что она не только создает речевую ситуацию, но и требует некоторое количество пассивных участников, в качестве которых выступают все присутствующие при ритуальном произнесении текста (æвдисæнтæ – свидетели).

Потенциальные участники речевой ситуации в рассматриваемом механизме активизации также наделены некоторыми функциями. С одной стороны, они являются вторичным текстообразующим звеном, поскольку, воспринимая первичный текст, услышанный от говорящего (условно жреца), в результате известных и в достаточной степени сложных психологических процессов восприятия

информации и ее обработки, внутренне ее воспроизводя, дублируют текст и подтверждают ритуальным возгласом «О, ме 'хцау!» (как варианты «О, ма Хыцау!», «Оммен!», «Аммен!»). Примечательно, что этот возглас одновременно с закреплением/подтверждением сказанного еще и дробит весь произносимый текст на некоторое количество тематически значимых частей. И чем выразительнее созданный молящимся (*Кувæг лæг*) текст, и, как следствие, сильнее экспрессивное воздействие на присутствующих, тем громче и торжественнее ответный возглас.

Рассмотрим специфику ритуальных текстов осетинского языка на примере молитвенного текста, не привязанного к конкретному торжеству и потому классифицируемого нами как повседневная молитва (таблица).

В традиционных молитвенных текстах содержится обращение к Всевышнему, божествам и покровителям с различными прошениями соответственно тому, покровителями чего они являются. В связи с этим, от говорящего требуется не только мастерство ораторского искусства, но и хорошее знание фольклора, мифологии, традиционных верований, чтобы «правильно» обратиться, «правильно» попросить.

Каждая отдельная просьба закрепляется возгласом «Оммен, Хуыцау!» и одновременно

отделяется от следующей просьбы или ее части.

С позиций когнитивной лингвистики, осетинские ритуальные тексты могут представлять собой не что иное, как косвенные речевые акты.

Особое значение имеет тон голоса, тембр, интенсивность звучания, манера, ритмика и другие признаки не прямой коммуникации, явно указывающие на иллюкутивность отдельных высказываний текста. Языковое его построение также имеет характерные признаки речевого акта, главным образом с оттенком, хоть и скрытого, но указания, выражаемого отдельными характерными формулировками с грамматической формой глаголов в повелительном наклонении: *уæд*, *раттад*, *скæнæд*, *балæвар кæнæд*, *куыд уа*, *афтæ* и т.д.

Повелительный и указующий характер, свойственный иллюкутивным актам, смягчается самим жанром, присутствием образных выражений, эпитетов и наличием других речевых приемов.

К примеру, директивный характер глаголов речевого акта становится практически незаметным в составе структурных компонентов формулировок типа «...*ахæм амонд нын Хуыцау балæвар кæнæд!*» – «...да подарит нам Всевышний такое счастье!», «*Хуыцау саккаг кæнæд!*» – «да посчитает нас Всевышний достойными!» (или «...да соизволит Всевышний вознаградить!») и т.д.

Æртæ чырийы кувгæйæ

– Хуыцау, табу Дæхицæн!
– Оммен, Хуыцау!
– Абон дæ бон у, бирæ адам дæм кувынц, хорздзинæдтæ дæ курынц, æмæ хуыздæрæн кæй кувинæгтæ айстай, уый æмбал мах дæр фæкæн!
– Оммен, Хуыцау!
– Æнæниз, æнæмаст, хъæлдзæг, амонджын куыд уæм!
– Оммен, Хуыцау!
– Хуыцау, хорздзинæдтæй кæй зæрды цы ис, уыдон сæ къухы куыд æфтой, уыцы хорзæх ракæн!
– Оммен, Хуыцау!
– Фæсивæд рæсвæндаг куыд уой кæддæриддæр, бæстæ сабыр куыд уа, адам кæрæдзийы куыд æмбарой, Дунесфæлдисæг, уыцы хорзæх ракæн!
– Оммен, Хуыцау!
– Хуыцау, нæ чысыл фæллойæ нæ къухы бирæ ис цы уа, уыцы амонд нæ уæд!
– Оммен, Хуыцау!
– Фыдбылызтæй хызт цы уæм, нæ кæстæртæн сабыр, рæсугъд фидæн цы уа, уыцы арфæ сæ уæд!
– Оммен, Хуыцау!
– Стыр Хуыцау, нæ кувинæгтæ Дын барст уæнт æмæ нæ Дæ хорзæх уæд!
– Оммен, Хуыцау!

Молитва над тремя пирогами

– Господи, хвала Тебе!
– Аминь!
– Сегодня твой день, много людей молятся тебе, блага просят у тебя, присоедини ты и наши подношения к тем, чьи посчитал наилучшими!
– Аминь!
– Чтобы быть нам без болезней, без тревог, счастливыми!
– Аминь!
– Господи, ниспошли благодать, чтоб каждый получал все то хорошее, о котором помышляет!
– Аминь!
– Молодежь всегда на праведном пути чтоб была, мир спокоен чтоб был, люди друг друга чтоб понимали, Создатель мира сего, ниспошли ту благодать!
– Аминь!
– Господи, дано будет нам такое счастье, чтоб наш скромный труд воздавался нам большим изобилием!
– Аминь!
– Да будем мы ограждены от несчастий и невзгод, наших младших ожидает пусть спокойное и красивое будущее! Даруй им это благо!
– Аминь!
– Всевышний, да будут наши подношения тебе угодны и снизойдет на нас твоя благодать!
– Аминь!

Наша позиция обретает более четкие очертания, если принять во внимание мнение одного из основоположников теории речевых актов – Дж.Р. Серля, который высказывался, что «утверждение – иллокутивный акт, а суждение вообще не акт, хотя акт выражения суждения есть часть совершения определенных иллокутивных актов» [5, с. 215].

На наш взгляд, это чрезвычайно важное уточнение, которое подтверждает наше предположение о том, что в ритуальных текстах не содержатся и не могут содержаться рассуждения, а только явные или скрытые утверждения. Именно потому склонны характеризовать все речевые формулы, в том числе и молитвенные формулы как речевые акты, а именно – как иллокутивные акты.

Анализ данных текстов как иллокутивных актов усложняется особым способом и формой адресации. Вместо привычного языкового общения, при котором говорящий пытается сообщить своему слушателю посредством подведения его к опознанию своего намерения сообщить именно то, что имелось им в виду, в рассматриваемых текстах адресатом иллокутивного акта являются высшие силы, а адресатами эмоционально-психологического воздействия являются присутствующие, так называемые косвенные адресаты.

В теории речевых актов иллокутивный акт считается минимальной единицей общения, а именно конкретное предложение, произведенное в определенных условиях.

Суть иллокутивного акта такова, что он выражает намерение говорящего получить определенный результат, заставив слушающего опознать свое намерение и получить этот результат. В аспекте нашего исследования в роли слушающего (прямого адресата речи) выступают божества и высшие силы, обращение к которым содержится в самих текстах, и результат от речевого акта ожидается именно от них. Но есть и непрямая адресация к присутствующим, без которых ни один ритуальный текст не обходится. Как уже говорилось ранее, они приобщаются к молитве и становятся соучастниками ритуального действия.

По понятным причинам распознавание и ожидаемый результат от прямого обращения к божествам в известной степени условны и не могут быть ощутимы и наблюдаемы. Напротив, результат воздействия на потенциальных адресатов речи очевиден и проявляется в виде ранее упомянутой ответной реплики «Оммен, Хуыцау!», являющейся необходимым компонентом самого ритуального текста.

Это невероятно сложная эмоционально-психологическая и вербальная организация молитвенного действия, в котором все упомянутые стороны являются участниками потенциальной ситуации, а сам текст необходимо рассматривать как вербальное моделирование желаемой ситуации или социально значимого положения дел.

Вместе с тем участники потенциальной ситуации (они же объекты речевого воздействия, говорящий) не могут контролировать происходящие с ними последствия. И здесь уместно сказать о присутствии семантического признака контролируемости/ неконтролируемости в речевых актах данного типа. «Субъект речи\ волеизъявления принципиально не является субъектом контроля, хотя, возможно, у говорящего создается иллюзия о способности воздействовать на ситуацию посредством речевого действия, которое можно назвать «мнимым» инструментом» [3, с. 113]. Кстати, подобная иллюзия создается и у участника потенциальной ситуации (слушающего), который, в свою очередь, признает этот «мнимый» инструмент.

Не имея явных возможностей привести потенциальную ситуацию в исполнение (осуществление), говорящий, тем не менее, создает и для себя «мнимую» способность воздействовать или контролировать потенциальную ситуацию.

При условии, что коммуниканты обоим признают эту «мнимую» ситуацию и воспринимают ее как реально предстоящую, срабатывают сложные механизмы мышления, предполагающие последовательно выстроенные когнитивно-психологические процессы, которые сопровождаются внутренним дублированием воспринятого текста с завершающим громким возгласом.

При анализе речевого материала ритуальной направленности обнаруживается наличие явных признаков непрямой коммуникации как коммуникативной категории. В связи с этим принципиально важным может оказаться «представление об осложненной интерпретативной деятельности адресата речи, необходимой при коммуникативном использовании неконвенциональных единиц, поскольку итоговый смысл высказывания выводится именно адресатом» [1, с. 13]. Так, основным проявлением непрямой коммуникации являются косвенные речевые акты, которые рассматриваются, практически, в каждой модульной части ритуального текста. Кроме того, в известной степени символизм, присутствующий в формулировках отдельных звеньев текста, также может характеризоваться как проявление признаков непрямой коммуникации.

Проведенное исследование ритуальных текстов на примере одной традиционной молитвы дает возможность выделить принципиальные отличия от других жанровых форм.

В первую очередь, это фиксированная композиционная оформленность, выраженная в строгой последовательности упоминаемых адресатов, в обязательных коллективных возгласах, завершающих адресацию каждой отдельной просьбы, и дробящих весь текст на отдельные структурно-семантические части – модули. Внутри каждого модуля, как правило, присутствует прямой или косвенный иллокутивный акт, нередко выражаемый через создание образов, легко распознаваемых благодаря этнокультурным фоновым знаниям. Такой принцип модульной организации традиционных текстов позволяет каждой модульной части при необходимости выступать как самостоятельное текстовое произведение в жанровой форме благопожелания, функционального приветствия или прощания.

Список литературы

1. Дементьев В.В. Непрямая коммуникация. – М.: Гизис, 2006.
2. Кырлежев А.И. Новая философская энциклопедия. Том II. Под ред. В.С. Стенина. – М.: Мысль, 2001.
3. Леонова А.В. Реализация семантического признака контролируемости / неконтролируемости в ситуации речевого воздействия (на материале русских заклинаний-проклятий). // Картина мира: язык, литература, культура: Сб. научных статей Бийск: РИО БПГУ им. В.В. Шукшина. – 2005.
4. Моргоева Л.Б. Формулы-обереги как особый тип устойчивых выражений // Фундаментальные исследования. – 2014. – № 9 (часть 5). – С. 1126–1130.

5. Серль Дж. Р. Что такое речевой акт? // Зарубежная лингвистика. II: Пер. с англ. / Общ. ред. В.А. Звегинцева, Б.А. Успенского, Б.Ю. Городецкого. – М.: Издательская группа «Прогресс», 2002.

References

1. Dementiev V.V. *Nepriyamaya kommunikatsiya* [Indirect communication]. M.: Giosis, 2006.
2. Kyrlezhev A.I. *Novaya filosofskaya entsiklopediya* [New Encyclopedia of Philosophy]. Volume II. Ed. V.S. Stenina. M.: Thought, 2001.
3. Leonova A.V. *Realizatsiya semanticheskogo priznaka kontroliruemosti / nekontroliruemosti v situatsii rechevogo vozdeystviya (na material russkikh proklyatiy-zaklinaniy)* [Implementation of semantic features controllability / uncontrollability in situations of speech influence (based on Russian-spells curses)]. // Picture of the world: language, literature, culture: Sat. scientific articles Bijsk: RIO BPGU im. V.V. Shukshina. 2005.
4. Morgoeva L.B. *Formuly-oberegi kak osoby tip ustoychivyykh vyrazheniy* [Formula charms as a special type of set expressions] // Basic Research. 2014. no. 9 (Part 5). pp. 1126–1130.
5. Searle Dzh.R. *Chto tacoe rechevoy akt?* [What is a speech act? // Foreign linguistics. II: Trans. from English. / Common. Ed. V.A. Zvegintseva, B.A. Uspenskogo, B.Yu. Gorodetskogo.] M.: Publishing group «Progress», 2002.

Рецензенты:

Бесолова Е.Б., д.фил.н., ведущий научный сотрудник отдела осетинского языкознания ФГБУН «Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева ВНЦ РАН и Правительства РСО-А», г. Владикавказ;

Фидарова Р.Я., д.фил.н., профессор, главный научный сотрудник ФГБУН «Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева ВНЦ РАН и Правительства РСО-А», г. Владикавказ.

Работа поступила в редакцию 29.12.2014.